

„ В РАСКОЛЕ ПОДОБНА КЕРЖЕНЦУ “ (ВЯЗНИКОВСКАЯ СЛОБОДА. ИЗ ИСТОРИИ ЯРОПОЛЧЕСКОЙ ДВОРЦОВОЙ ВОЛОСТИ ВЛАДИМИРСКОГО УЕЗДА)

Е.И. Соколова
А.Д. Тельчаров

История русского церковного раскола знает ряд старообрядческих центров. Один из них некогда располагался во Владимирском крае, возле города Ярополча в Вязниковской слободе (1), о которой архиепископ Нижегородский и Алаторский Питирим писал кабинет-секретарю Петра I А.В.Макарову, что она «в расколе подобна Керженцу» (2). Это «подобие» определялось тем упорством, приверженностью вязниковцев к старой вере, которое позволило им выстоять во время всех гонений второй половины XVII-XVIII вв., и не только выстоять, но и создать особый тип местного купца-старообрядца, во многом способствовавшего развитию слободы и превращению её в 1778 г. в уездный город Вязники (3).

Первое письменное упоминание Вязниковской слободы относится к 1585 г. В 1609-1639 гг. она принадлежала семейству знаменитого боярина Ф.И.Мстиславского; до него и позже являлась царской. Место расположения на важных торговых путях, связывавших Москву с Поволжьем и Сибирью, определило «непашенный», торговоремесленный характер слободы. Важнейшим занятием жителей было льноводство и льноткачество; занимались они также изготовлением лодок и стругов; вели посредническую торговлю по Клязьме, Оке, Волге. Вязниковские рыба, овощи, мёд и фрукты шли к государеву столу; с 1625 г. слобода также поставляла лён в государеву хамовную Кадашевскую слободу, а во второй половине XVII в. превратилась в своеобразный центр «путного» хозяйства царского двора - рыболовецкого, конюшенного, льноводческого.

Начало вязниковского старообрядческого движения относится к сороковым годам XVII в. В это время Вязниковская слобода представляла собой крупный религиозный центр. С 1622 г. в Никольском (в дальнейшем он стал именоваться Покровским) слободском храме находилась чудотворная икона Казанской Божией матери, совершившая около 300 исцелений; в сороковые годы XVII в. во имя этой иконы был освящён ещё один вязниковский храм. В слободе располагалось 2 монастыря, один из которых, мужской Благовещенский, был основан по просьбе

жителей самим царём Михаилом Фёдоровичем, а другой, женский Введенский - прежними владельцами, Мстиславскими. Впоследствии монастырскими вкладчиками стали царь Алексей Михайлович и члены его семьи - царица Мария Ильинична, царевны Ирина и Татьяна Михайловны, а также игумен Макарьевского Желтоводского монастыря Илларион, царский духовник Стефан Внифантьев (4), Никон - тогда ещё архимандрит Новоспасского монастыря (5), то есть те, кто составлял «верхушку» кружка «ревнительней благочестия».

Неудивительно, что иноки обоих вязниковских монастырей всей душой поддержали начинания «боголюбцев». Игуменья Введенского монастыря Марфа бывала в те годы «на Москве вверху почасту»; общалась со Стефаном Внифантьевым и, может быть, именно здесь познакомилась с ней молодой протопоп Аввакум, впоследствии ссылавшийся на её авторитет в столь важном вопросе, как церковное пение. «Марфа, игуменья на Вязниках - на речь и единоголасно пение бысть у нея. ...странным и мимоходящим ноги умывала сама и со Анною леженкою (6) добре скончашася» (7).

Иноческая жизнь в мужском вязниковском монастыре, надо думать, была столь же строгою. С 1652 г. его возглавлял игумен Моисей, духовный отец Марфы (8).

Видимо, вскоре после возведения Никона в патриарший сан, Стефан Внифантьев предупредил «игуменью на Вязниках», «что будет пременение о кресте и в службе разнь», и та, в свою очередь, начала учить введенских стариц не ходить в «новую» церковь и не причащаться в ней. После смерти Марфы, последовавшей, по всей вероятности, в начале 1660-х гг. (9), несколько монахинь покинуло обитель (10). Путь некоторых из них, как стало известно впоследствии, пролегал в заклызьменские вязниковские леса, на озёра Юхро и Кшара. Здесь с середины пятидесятых годов обосновался знаменитый старец Капитон со своими учениками (11), ряды которых постоянно пополнялись за счёт беглых крестьян, а после никоновской реформы - ещё и тех, кому в конце концов стало «... сумнительно, что в церквах почали петь по новым книгам и в службах всё переменено». Этих последних среди лесных пустынножителей было немало. «...Во многих церквах учинился раскол», «да и крестное знамение ныне не против прежнего», «...в мире учинился в церквах книжный раскол» (12), - показывали

впоследствии на допросах эти люди. «Эволюцию религиозного учения у последователей Капитона в сторону старообрядчества» отметила ещё В.С.Румянцева (13).

В 1662-1663 гг. вязниковскими лесами заинтересовался Приказ Тайных дел. К сожалению, об этом первом розыске мы имеем самое смутное представление, так как его документы до наших дней не дошли. Зато хорошо сохранился корпус документов последующего сыска, проводившегося в 1665-1666 гг. (14).

Поводом для него послужило убийство священника Введенского монастыря о.Василия Фёдорова, подавшего в 1665 г. митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу извет на проживающих в лесах неизвестных ему людей. «...Про те пустыни ведают Вязниковские слободы покровской протопоп Меркурий Григорев и Благовещенского монастыря игумен Моисей», - доносил поп Василий, присовокупив к этому, что они ходили к келейникам и служили там (15) по старым служебникам, а своей «вязниковской» пастве не велели ходить на исповедь к тем, кто служит по-новому. Что же касается женского монастыря, то, по словам Василия Фёдорова, там в этот момент существовал настоящий внутренний раскол: «А в Введенском девичьем монастыре стариц 200 с лишком, и как де он, поп Василий, служит по новым служебникам, и на его неделях никто не причащается из стариц, а товарищ его поп Лев Матвеев служит по старым служебникам, и старицы на его неделях и причащаются» (16).

Чуть позже в Приказ Тайных дел поступило челобитье архиепископа Рязанского и Муромского Иллариона на тех же вязниковских пустынных - «капитонов». Описывая их бесчинства, Илларион, в частности, добавляет следующее: «А старцы Вавило да Леванид именуются Илиею и Енохом, мы де обличаем предотечеву и антихристову прелесть, а кто предотеча и антихрист, проповедают и безо всякого опаства, на твою благочестивую державу всякие хулы износя, и сказывают они всем людям всемирную кончину в нынешнем году» (17).

Так к антицерковному обвинению добавилось антигосударственное, должно быть, воспринятое правительством более серьёзно. Забегая вперёд, скажем, что убийцы Василия Фёдорова так и не были обнаружены - следователей, видимо, интересовала не столько судьба рядового священнослужителя, сколько капитоновы ученики (18).

Начавшийся в декабре 1665 г. розыск занял около двух месяцев. За это время было арестовано до 100 человек и сожжено 30 заклзьменских скитов. В январе 1666 г. состоялась расправа над руководителями «лесного движения». Вавила, Леонид и Вавила «молодой» были со-

жжены в срубках. Первый из них - в Вязниках, двое других - во Владимире (19).

Что же касается Моисея и Меркурия, то во время сыска они утверждали, что «про тех пустынных ведали, а ... не известили простотою своею...» (20). В «простоту» Меркурия главный следователь А.Н.Лопухин не поверил с самого начала, посадив его под «домашний арест» из опасения, как бы тот не предупредил пустынных (21). И действительно, во время сыска за покровским протопопом обнаружилось неизвестные нам сейчас «дополнительные дела великие». В результате его было велено «держаться за караул... чтоб не ушёл и дурна какова над собою не учинил» (22). Дальнейшая судьба Меркурия нам также неизвестна; что же касается Моисея, то по окончании следствия его сослали в Кольский острог в Печенский монастырь «под крепкий начал» (23); но уже спустя год после его высылки, в 1667 г., возвратили в Благовещенский монастырь, причём снова на место игумена (24).

Подобное решение моисеевой судьбы, принимая во внимание выдвинутые против него обвинения, пусть даже не во всем подтвердившиеся, представляется чрезвычайно мягким, особенно на фоне расправы над капитоновцами. Можно допустить, что причиной явилось хорошее отношение Алексея Михайловича к игумену своего «собственного», царского, монастыря.

В этой связи, как нам кажется, было бы уместно поставить следующий вопрос. Как могло случиться, что столь важный корпус документов (причём важный не только для современных исследователей, но и для тех, в чьём ведении находились особо серьёзные государственные дела второй половины XVII в.), как документы первого розыска 1662-1663 гг., не дошли до наших дней, в то время как дела последующего сыска сохранились на редкость хорошо? Случайность ли это, или кто-то «потрудились» в своё время над их уничтожением? Предложим версию - не с благославения ли царя Алексея Михайловича, под чьим патронатом находилась Вязниковская слобода, были уничтожены эти документы, пролившие свет на раскол вязниковцев.

Авторы статьи не ставили себе целью решать вопрос о том, что такое капитоновщина, является ли она частью староверческого движения, давать ли ей какие-либо нравственные оценки. Вне зависимости от решения означенных проблем, исторически сложилось так, что капитоновщина конца XVII - начала XVIII вв. вошла составной частью в «антиниконский протест» того времени, а сам Капитон был «принят» в число «своих», в частности, выговскими староверами. О нём мы читаем в «Винограде Российском» Симеона Денисова (25), поморском «Сводном старообрядческом синодике» (26) и - у ино-

ка Ефросина: «Той то Капитон первый за веру стоятель; потому Капитону и доньне верных зовут Капитоны» (27).

Уничтожить лесное движение правительству не удалось. Уже в феврале 1666 г. старец Борисоглебского монастыря Серапион отправил в Приказ Тайных дел 2 челобития, в которых сообщал о его продолжении. После казни Вавилы и Леонида во главе пустынников Владимирского края встала старица Евпраксия (28). В 1667 г. правительство царя Фёдора Алексеевича переселило ряд вязниковских и ярополческих семей, обвинённых в расколе, в глухой юго-восточный угол Ярополческой волости, где образовывалось село Меленки, вряд ли достигнув тем самым желаемого результата. Это подтверждается свидетельством того же Ефросина, 13 лет спустя после высылки вязниковцев писавшего: «Есть град Вязники, в том много сицевых и доньне обретаются, иже именуются староверцы ... и отдревле оне словяху капитоновы ученицы» (29).

* * *

Петровские преобразования внесли существенные изменения в жизнь Вязниковской слободы. В 1700 г. она фактически приобрела статус города, подчиняясь центральным органам городской власти и имея своё городское управление (сначала - ратуша, потом - магистрат). На 1722 г. в слободе проживало 1454 купца при общей численности её населения в 3010 человек. Основу торгово-промышленной жизни слободы по-прежнему составляли возделывание и обработка льна, что отвечало военным нуждам России: развивающийся отечественный флот нуждался в качественной парусине. Интересно, что впоследствии сотканное в вязниковских светёлках полотно использовалось для драпировки комнат первого в Санкт-Петербурге домика Петра I.

Вязниковское купечество всё смелее осваивало Москву, Санкт-Петербург, Поволжье, города Севера и центра страны. Активно участвуя в экономическом развитии России, оно вместе с тем способствовало развитию самой слободы, превращению её в один из основных торгово-промышленных центров Владимирского края. При этом среди вязниковских жителей насчитывалось 850 только «записных раскольников», не говоря о потаённых. Старообрядчество, войдя в плоть и кровь вязниковцев, сплотило их, выковало их характерные черты. О них хорошо сказал А.И.Солженицын: «Долго, устойчиво исконный русский характер сохранялся в обособленной среде старообрядцев - и их вы не упрекнёте ни в распушенности, ни в разврате, ни в лени, ни в неумении вести промышленное, земледельческое или купеческое дело, ни в неграмотности, ни, тем более, в равнодушии к духовным воп-

росам» (30). Старообрядчество, дополненное семейственностью (поскольку все ведущие вязниковские купеческие роды породнились между собой), создало своеобразный тип купца, стойкого и целенаправленного в достижении своей цели, чувствующего поддержку своих единомышленников, сплоченно выступающих против чужаков, охраняя свой дом, своё дело, свои устои.

В петровское время умами купцов-староверов всё больше и больше овладевала мысль об антихристовой, пришедшей на место подлинной, дониконовской, церкви. Когда в 1724 г. через слободу проезжал в Москву архиепископ Нижегородский и Алаторский Питирим, местные старообрядцы принимали его как слугу антихриста. Ещё дальше в высказываниях заходил купец С.С.Слугин, считавший, что «антихрист на земле давно народился и волею его творим всё, бороду бреем, немецкую одежду носим по его, антихристову велению, и все печать антихристову, приняли» (31). Под антихристом он разумел всех государей, начиная с Алексея Михайловича, в данном случае - Петра I. От рассуждений доходило до реальных дел. Когда в 1721 г. вязниковский подьячий Я.Лютов был взят за раскол в местный духовный приказ, слободской судья А.Апрянин своей волей освободил его. Сказалось местное духовное единство, но сам А.Апрянин указом Петра I был вызван в Санкт-Петербург в Юстиц-Коллегию, где и исчез бесследно.

Самым же громким делом первой половины XVIII в. стал сыск 1736-1741 гг., затронувший весь Владимирский край. Его истоки - в петровском времени (32).

13 декабря 1735 г. вязниковец Василий Кореннов подал игумену Благовещенского монастыря Иосифу донос на местных староверов с просьбой доложить о нём в Синод. Иосиф переправил его в Нижегородскую архиерейскую домовую консисторию архиепископа Питирима. В начале следующего 1736 г. сюда же привезли самого Кореннова. В марте дело передали в Нижегородскую губернскую канцелярию. В Вязники, Гороховец, Ярополч и Муром снарядили сыскные команды капрала П.Быкова и капитана П.Дроманта. 13 июля 1736 г. дело В.Кореннова передали в Московскую тайную контору, куда в ноябре того же года доставили и его самого. Одновременно, 19 июля, в муромскую воеводскую канцелярию поступил донос канцелярского писаря А.Герасимова на вязниковского старовера А.Синцова, проповедовавшего в деревнях и сёлах Муромского уезда. По доносу начался розыск. А.Синцова вначале взяли в эту канцелярию, а затем, в сентябре того же года, А.Герасимов и А.Синцов были доставлены в Московскую тайную контору. Так началось дело, длив-

шеся 5 лет и раскрывшее деятельность староверов юго-восточной части Владимирского края. В него оказались вовлечёнными более 100 вязниковцев, меленковцев, муромцев.

Главным действующим лицом розыска стал уроженец Вязников Василий Васильевич Кореннов. Сын кузнеца Василия Михайловича Кореннова, родившийся, по-видимому, в конце XVII в., В.Кореннов происходил из старообрядческой семьи, помнившей, судя по всему, ещё розыски Алексея Михайловича. Первоначально он промышлял мелочной торговлей, а в 1716-1718 гг. служил приказчиком у вязниковского купца-старообрядца К.Морозова, торговавшего с Заонежьем. К.Морозов поддерживал связь с заонежскими старцами, двое из которых, К.Максимов и П.Мстерский, постоянно бывая в Вязниках, проповедовали здесь своё учение. Благодаря им в Вязниках утвердилась беспоповщина. Беспоповского направления в старообрядчестве придерживались ведущие вязниковские купеческие роды - Горшковы, Захаровские, Климовы, Кондаковы, Коряковцевы, Котельниковы, Малешины, Молодиковы, Наместовские, Слугины, Рукавишниковы, Халевины, Хилковы. Проповедуя аскетизм, вязниковское купечество вместе с тем считало, что соблюдение религиозных норм своего согласия служит залогом богатства. Василий Кореннов, желавший «за крест и за всю старую веру страдать в настоящее время гонимое» (33), не разделял их взгляда на Петра I как на антихриста, и с этого начались его разногласия с ними.

В 1721 г. В.Кореннов, находясь в доме Ф.Молодикова, узнал от него, что С.Слугин, А.Алемасов и другие называли Петра I антихристом. Через некоторое время, повстречавшись с А.Алемасовым, он осуждающе напомнил ему об этом, прибавив: «Кто из вас говорили непристойные речи, будто государь царь Пётр Алексеевич антихрист, ты это ко времени не позабудь» (34). Вечером того же дня староверы целовальник вязниковской таможни К.Бешенов и тюремный сторож ратуши С.Хохлов - напали на В.Кореннова в Ярополче, били его смертным боем, привели в таможню, где посадили на цепь. Сюда же, в таможню, пришли бурмистр С.Слугин, ларёшны К.Лукновский и И.Ермаков - также староверы. С.Слугин затеял расправу, сказав Кореннову: «Не ты ли хочешь нас осилить, мы, вязниковцы, наперед сего и князя Шаховского убили до смерти (35), да и тут у нас с рук сошло, одной мы водки сорок бочек сороковых послали в Москву в гостинцы, а ты нам за мухи место» (36). После этих слов К.Бешенов и С.Хохлов снова били его смертным боем. Неделю он просидел на цепи в таможне. Затем к нему пришёл бургомистр вязниковской ратуши, тесть

С.Слугина А.Кондаков и приказал его выпустить, предварительно взяв с него 5 рублей в качестве пошлины за якобы купленное огуречное семя. Избитого и ограбленного, В.Кореннова выпустили на свободу. С этого началось его разорение, кончившееся потерей родительского дома, нищетой, бродяжничеством.

Между тем, в сопредельных с муромскими лесами, около уже упоминавшегося села Меленки, начала формироваться старообрядческая община. Её основателем являлся бывший иеродиакон вязниковского Благовещенского монастыря Пахомий, бежавший в Меленки в 1729 г. В общине он пользовался большим авторитетом, слыл «патриархом». Пахомий учил отрешению от всего земного, мирского, нравственной чистоте и добродетели. Будучи в Москве, он слышал, что государь Пётр I - подменённый, антихрист, «от эллинского дома Лафертова», а господствующая церковь - также антихристовая, верил в конец света в 7250 г. (1742 г.), призывал покаяться в грехах и терпеливо ждать второго страшного Христова пришествия.

Недалеко от мужских келий находились женские, в которых главенствовала черница Девора, выдававшая себя за царевну, «дочь старых царей». Знавшие её воздавали ей царские почести. Она постригала скитских монахинь, причащала их, пекла и раздавала в праздники просвиры. Путь Деворы в меленковские кельи начался ещё в начале века в керженских лесах, откуда, побывав на Ветке и приняв поповский старообрядческий толк, она переселилась в меленковские леса.

Дважды Девора побывала в Вязниках. В 1731 г. крестьянин деревни Шустова Муромского уезда И.Емельянов возил её в Москву через Вязники. В Москве она жила в каком-то монастыре и туда к ней, по его словам, приезжали на поклон «знатные господа». Второй раз Девора посетила Вязники в 1734 г. и встретилась там с Ф.Малешиним, И.Тимофеевым, А.Астафьевой, Д.Ипатовой и другими представителями местного купечества.

Одновременно Девора была постоянно связана с Веткой. Её поездки в Вязники, по-видимому, являлись попытками установить контакты между веткинцами и заонежцами, способствуя также расширению связей и влияния меленковской общины.

Меленковская община, объединяя приверженцев поповского толка, представляла собой основанное на началах духовной чистоты, самоочищения от скверны мира, высокой нравственности сообщество людей, ушедших из мира антихриста и ждущих конца света. Между староверами Владимирского края она была достаточно хорошо известна. Василий Кореннов симпатизи-

зировав ей, направлял в неё близких по духу единомышленников. По его рекомендательным письмам Пахомий принял в свои скиты вязниковского старообрядца А.Синцова и бежавшего из Благовещенского монастыря монаха Нифонта.

В 1734 г. в московский розыск уничтожил меленковскую общину. Заранее предупреждённая Девора успела бежать в Ветку; Пахомий вскоре умер; уцелевшие келейники ушли в труднодоступные незнанные места. А.Синцов перебрался в Муромский уезд, где начал проповедническую деятельность. По вине вязниковских купцов, по чьему доносу был проведён розыск, погибла столь симпатичная В.Кореннову община.

В том же году в Муроме проходил диспут между местными староверами А.Герасимовым, Д.Железниковым, Ф.Мездриковым и «пришлыми» В.Коренновым и А.Синцовым. Этот диспут имел далеко идущие последствия, вылившись в новый сыск.

Началось с того, что в вязниковский Духовный приказ поступил донос священника Никольской церкви М.Тимофеева на старовера купца Г.Котельникова с товарищами. Донос был составлен по инициативе Василия Кореннова. Сыскивать и доставлять в приказ привлекаемых к следствию должен был приказной рассыльщик И.Корсук, но, будучи и сам потаённым старовером, он не стал заниматься этим.

Тогда последовали доносы Василия Кореннова в Нижегородскую архиерейскую домовую консисторию. Узнав об этом, вязниковцы грозились его убить. Богатейшие из них, во главе с И.Горшковым, начали собирать отступные деньги. Тогда же купец И.Гугин предостерег В.Кореннова, «чтоб он на тех перекрещиванцев более того, о чём в Нижнем показал, нигде не доносил, а побережёт бы сам себя того ради, что перекрещиванцы Дмитрий Молодики и Василий Захаровский с прочими весьма грозят, и говорил оный Захаровский, что де он имеет у себя пожитку десять тысяч, и от тех пять тысяч один отделить обещает и отдавать на гостинцы тамо, где Кореннов на них доносить будет, потому ж и Никифор Климов, и Михайла Денисова дети богаты ж, а паче кои тысяч по сто и более имеют пожитку, как можно тратить будут, а Кореннова достанут» (37).

В 1735 г. из Нижнего Новгорода в Вязники приезжал ничего не давший розыск. Во время его проведения Василий Кореннов сказал И.Наместовскому, «чтоб он вязниковским перекрещенцам поговорил, чтоб они все в той своей Божией Ея Императорскому Величеству противности обратились и покалялись», на что тот сказал: «Разве де тогда они могут свою вину принести, как их уже вилами прижмут» (38). Вот тогда-то, 13 декабря 1735 г., Василий Кореннов по-

дал игумену Благовещенского монастыря Иосифу донос на вязниковских староверов, с которого началось длившееся 5 лет дело. Через полгода последовал донос теперь уже А.Герасимова на А.Синцова, вовлечший таким образом в дело муромских староверов. Появилось разбиравшееся в Московской Тайной конторе общее вязниковское и муромское дело.

К концу 1736 г. там находились В.Кореннов, А.Синцов, А.Герасимов и монах Нифонт. Начались их допросы, в ходе которых выявлялись всё новые и новые лица, тут же привлекавшиеся к делу. 9 декабря 1736 г. тайная контора приняла решение провести вязниковский и муромский розыски. В Муроме с 14 по 27 декабря его проводил прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка М.Кутузов. В результате в контору доставили 10 обвиняемых, в том числе и Ф.Мездрикова. Вязниковский сыск вёл с 13 по 31 декабря солдат того же полка М.Смолин, с 1 по 15 января 1737 г. дополнительный сыск провёл М.Кутузов. В тайную контору доставили ещё 10 человек, среди которых находились купцы Ф.Малешин и И.Рукавишников, а также крестьянин И.Бирюк. Но и в этих условиях В.Кореннов и А.Синцов продолжали отстаивать своё учение.

В конце 1738 г. в контору доставили Д.Железникова. Таким образом, в ней снова встретились главные участники муромского диспута 1734 г. В следующем, 1739 г., из Мурома и Вязников привезли ещё около 30 человек. Среди них были купцы И.Наместовский, П.Горшков, И.Якушевский, приказной И.Корсук. Из Мурома привезли И.Чубарова - бывшего крюкового стольника царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, впоследствии денщика Петра I, а ныне солдата бомбардирской роты и расколуучителя. Дело расширялось. Допросы Василия Кореннова давали всё новые и новые имена.

4 октября 1739 г. глава Московской тайной конторы С.А.Салтыков сообщил начальнику Российской тайной канцелярии А.И.Ушакову о желании Василия Кореннова объявить на всех российских записных и потаённых раскольников и предложил доложить об этом в Кабинет Её Императорского Величества. Дело, приобретшее российское звучание, доложили кабинет-министрам А.П.Волынскому, А.И.Остерману, А.М.Черкасскому. По принятому ими 22 ноября того же года решению было необходимо продолжать розыск В.Кореннова, А.Синцова, монаха Нифонта (по лишении его монашеского сана), и «искать в них сущей правды». Остальные, по видимому, откупившись, отпускались на свободу. Показавшие во время следствия за собой раскол отправлялись в Московское Синодальное правление для обращения в государственную веру.

Предлагалось освидетельствовать раскол И.Чубарова, освободить А.Герасимова, Д.Железникова, Ф.Мездрикова, вязниковских купцов и более никого не сыскивать. Через месяц, 19 декабря, новый указ кабинет-министров подтвердил это решение. Вязниковские и муромские староверы оказались на свободе. Освидетельствовавший раскол И.Чубарова священник села Заморочье Муромского уезда И.Петров сообщил, что никакого раскола за ним нет и не было. Дело закрыли. Более по нему никого не сыскивали. Подтвердились слова И.Гугина о том, что вязниковцы сумеют откупиться, а «Кореннова достанут».

После освобождения из Московской тайной конторы дело продолжалось только в отношении находившегося «в крепком заточении», ненавидимого вязниковскими купцами В.Кореннова, а также А.Синцова, обвиняемого в рассеивании в народе ведущих к бунтам ложных слухов и участвовавшего в меленковской общине, знавшего Девору и Пахомия, монаха Нифонта, расстриженного под своим мирским именем Николая Григорьева. Оно завершилось приговором 27 июня 1741 г., по которому А.Синцов отправлялся в Нилову пустынь Ржевского уезда, а Н.Григорьев - в Галичский Паисин монастырь. Василий Кореннов до приговора не дожидаясь, бесследно исчезнув в тайной конторе в мае 1741 г.

* * *

Описания Вязников второй половины XVIII в. постоянно упоминают местных «записных раскольников». По мере развития коренного вязниковского купечества и выезда его на жительство в Москву, Санкт-Петербург и другие российские города, сведения о староверах постепенно затухают. Для XIX в. они уже единичны. Но и в это время в городе находилось достаточно староверов. Самым известным из них являлся коммерции советник, знаменитый в российском промышленном мире фабрикант В.Ф.Демидов. Да и сегодня в Вязниках, давно потерявших значение одного из старообрядческих центров России, продолжают жить потомки тех, кто во второй половине XVII-XVIII вв. «содержал раскол». Это придаёт городу своеобразный колорит, делая его одним из кондово русских населённых пунктов центральной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В данном случае под центром понимается регион, густо населённый лицами, исповедующими древнее православие. Что касается более конкретного значения термина «старообрядческий центр», то о правомочности его использования применительно к Ярополческой волос-

ти Владимирского уезда судить читателям нашей статьи.

2. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М.,1963. Кн.9. С.610.

3. Подробные сведения о Вязниковской слободе в XVII и XVIII вв. см.: Тельчаров А.Д. Вязники. М.,1995.

4. Такое написание имени знаменитого Благовещенского протопопа авторы статьи употребляют вслед за В.С.Румянцевой. См.: Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М.,1986. С.54.

5. Румянцева В.С. Указ. соч. С.212.; Добронравов В.Г. Благовещенский монастырь в г.Вязниках // Труды Владимирской учёной археографической комиссии. Кн.9. Владимир,1907. С.111.

6. Одним из значений слова «лежень» (ж.р. - «леженка») было «больной или дряхлый монах, не выходящий из кельи» - Словарь русского языка XIV-XVII вв. Вып.8. М.,1981. С.198; Такая трактовка в данном контексте кажется предпочтительнее более общей «лежачая больная», как объясняет его, в частности, М.Б.Плюханова, автор Комментариев к произведениям Аввакума - Пустозерская проза: Протопоп Аввакум. Инок Епифаний. Поп Лазарь. Дьякон Федор. М.,1989. С.347.

7. Протопоп Аввакум. Послание Борису и прочим рабам Бога вышняго // Пустозерская проза. С.159.

8. «А отец де духовной той игуменьи был Благовещенского монастыря, что в Вязниках, игумен Моисей...», - показала впоследствии на допросе бывшая старица Введенского монастыря Улея. Эта фраза в документе была зачёркнута, но, думается, не потому, что не соответствовала истине. Цит. по: Румянцева В.С. Указ. соч. С.159.

9. Дата смерти Марфы следует из показаний старицы Улеи, постригшейся во Введенском монастыре при жизни этой игуменьи около 1659 г. и в 1665 г. говорившей о ней как о покойной. Показания Улеи см.: Румянцева В.С. Указ. соч. С.159.

10. См. показания той же Улеи, а также Александры, Анисьи, Пелагеи, Евдокии, приводимые в изд.: Народное антицерковное движение в России в XVII в.: Документы Приказа Тайных дел о раскольниках: 1665-1667 гг. Сост. Румянцева В.С. М.,1986. С.98, 102, 155. (В дальнейшем - Документы Приказа).

11. О Капитоне и его учении существует довольно большая литература, как старообрядческая, так и «исследовательская». См., например: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII в. М.,1995; Румянцева В.С. Указ. соч.; Шульгин В.С. «Капитоновщина» и её место в расколе XVII в. // История СССР. 1969. № 4 и др.

12. Румянцева В.С. Указ. соч. С.154, 155, 157,

- 160.
13. Там же. С.165.
14. Ход вязниковского сыска 1665-1666 гг. подробно исследован В.С.Румянцевой в указанной монографии.
15. Это показание настолько интересно, что заслуживает специального рассмотрения, поэтому в данной работе мы его касаться не будем.
16. Документы Приказа. С.51.
17. Там же. С.52.
18. Там же. С.79.
19. Румянцева В.С. Указ. соч. С.167, 169.
20. Документы Приказа. С.71.
21. Там же. С.60.
22. Там же. С.73.
23. Там же. С.72.
24. Румянцева В.С. Указ. соч.. С.214.
25. Виноград Российский, или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанное Симеоном Дионисьевичем (кн. Мышецким). М., 1906. С.9.
26. Сводный старообрядческий синодик // Памятники древнерусской письменности и искусства. СПб., 1883. Т.XLIV. С.21.
27. Хр.Лопарёв. Огразительное писание о новоизбранном пути самоубийственных смертей // Памятники древнерусской письменности. СПб., 1895. Т.CVIII. С.10-11.
28. Документы Приказа Тайных дел... С.129.
29. Хр.Лопарёв. Огразительное писание... С.10.
30. Солженицын А.И. Россия в обвале. М.,1998. С.167.
31. РГАДА. Ф.371. Оп.1. Д.2295. Л.10.
32. Документы этого дела ныне хранятся в РГАДА. Ф.349. Оп.1. Д.1107.
33. Там же. Л.280.
34. Там же. Л.280.
35. Шаховской Иван Фёдорович руководил переписями во Владимирском уезде; бесследно исчез в 1668 г. // РГАДА. Ф.349. Оп.1. Д.1107.
36. РГАДА. Ф.349. Оп.1. Д.1107. Л.364.
37. Там же. Л.190-191.
38. Там же. Л.217.

